

рѣчь его «о правдѣ и любви звучитъ фальшиво и лицемерно», какъ это онъ самъ признаетъ: *точно ты насилуешь себя, когда говоришь объ этомъ*, упрекаетъ Горькаго его совѣсть. Спутанность современныхъ понятій привела къ тому, что Горькій, рядомъ съ любовью, поставилъ и ненависть; говоря, что право проповѣдывать должно имѣть достаточное основаніе, онъ такъ говоритъ объ этомъ основаніи: «чтобы имѣть право говорить къ народу, нужно имѣть въ душѣ или великую ненависть къ его недостаткамъ, или великую любовь къ нему за его страданія». Ненависть, какъ видите, поставлена даже выше любви. Положимъ тутъ говорится о ненависти къ недостаткамъ, но ненависть къ недостаткамъ неразрывно, обыкновенно, сливается съ ненавистью и къ носителямъ этихъ недостатковъ. Любви мы въ себѣ не чувствуемъ, а ненависть. — «въ душѣ моей много ненависти», говоритъ Горькій, «она постоянно тлѣетъ тамъ, . Иногда вспыхиваетъ яркимъ огнемъ гнива»; о любви же Горькій говоритъ, что не знаетъ, любить-ли онъ людей, и тутъ же замѣчаетъ, — «все, знаютъ, какъ далека отъ каждаго изъ насъ нашъ ближній». Другими словами, Горькій сознается, что не любитъ людей; а если-бы не сознался, то сомнѣваться въ этомъ невозможно, потому что нелюбовь его тлѣетъ наружу, бросается въ глаза въ каждомъ написанномъ имъ рассказѣ; такъ, въ своемъ замѣчательномъ рассказѣ „Читатель“ онъ говоритъ: «Нѣкоторые слѣпо ищутъ чего-то, что, окрыляя умъ, — возстановило-бы вѣру людей въ самихъ себя», и при этомъ «чаще идутъ не въ ту сторону, гдѣ хранится все вѣчное, объединяющее людей, гдѣ живетъ Богъ», — и „тѣ, которые ошибаются въ путяхъ къ истинѣ, — погибнуть»,

Сказавъ это, Горькій замѣчаетъ: «Пускай, не нужно имъ мѣшать, не стоить ихъ жалѣть, людей много». Чѣмъ это внушено; — неужели любовью? Не пожалѣть, даже не пожалѣть, — тѣхъ, которые ищутъ Бога, охвачены стремленіемъ къ Богу, и тѣмъ не менѣе погибаютъ, погибаютъ не по своей винѣ?! Или же, высказывая, — повторяемъ, — въ высшей степени вѣрную мысль, что, создавая изъ фактовъ законъ, люди ставятъ «себѣ преграду на пути къ свободному творчеству жизни», Горькій дальше говоритъ, что этимъ люди ставятъ себѣ приграду и «*въ борьбѣ за свое право ломать, чтобы создавать*». — «*Право ломать*», — любовь-ли порождаетъ претензію на такое право, — на право ломать?!. Истинный провозвѣстникъ любви — «трости надломленной не переломить и льна курящагося не загасить». Прежде чѣмъ ломать, попробуйте создать; а если окажетесь способными созидать, то не нужно будетъ и ломать; нужно будетъ измѣнить лишь условія, которыя порождаютъ нежелательныя явленія, и явленія эти исчезнутъ безъ всякой ломки. За многія сотни и тысячи лѣтъ слишкомъ много наломано, что жлетъ возстановленія. Не ломать нужно, не становится помощникомъ слѣпыхъ, неразумныхъ, бездушныхъ силъ, которыя мы возвели въ законъ, которыя именно и ломаютъ, все разрушаютъ, чтобы создавать, умерщвляютъ, чтобы творить новую жизни, но такую новую, которая, какъ порожденная тѣми же условіями, одинаковыми причинами, что и прежняя, нисколько не лучше прежней и также на нее похожа, какъ капля на каплю; не участвовать въ этой бессмысленной ломкѣ и не менѣе бессмысленномъ созиданіи, въ результатъ которыхъ получаютъ только все новыя и новыя страданія погибшихъ